

Лежащий в беспамятстве Харе не мог глотать осознанно. Сукуна целовал его осторожно, почти бережно. Его прикушенный язык скользнул в приоткрытый рот юноши, нежно и томительно сплетаясь с чужим.

Кровь Короля проклятий, несущая в себе колоссальную мощь, капля за каплей наполняла рот Харе. Нежно-розовая плоть окрасилась алым. От этого вторжения дыхание юноши сбилось, а губы увлажнились; Сукуна мягко погладил его подушечкой пальца по тонкому горлу, побуждая сделать глотательное движение.

Этот способ оказался на удивление действеннее обратной проклятой техники. Харе зашевелился, приходя в себя. Сквозь пелену беспамятства он инстинктивно приподнял голову, пытаясь удержать ускользающий источник силы.

Он жадно поймал губами кончик его языка, но этого показалось мало.

Отпрянув, он впился острыми клыками в нижнюю губу Сукуны, прокусив ее у самого уголка рта. Мягкий, влажный язык тут же бережно скользнул по ранке, слизывая выступившие капли крови и оставляя за собой блестящий след.

И все равно было мало.

Сквозь полузабытье юноша крепко зажмурился. В груди зияла пустота — огромная, ноющая дыра, лишаящая последних сил. Ему отчаянно требовалось заполнить этот провал, но крошечных капель силы едва хватало, чтобы унять голод.

— М-м... — недовольно нахмурился он, издав капризный, томительный стон.

Сквозь забытие проступила боль — израненное тело отозвалось мириадами мелких игл. Каждое мимолетное движение, любое натяжение мышц лишь раздувало это пламя. Жалобный стон перерос в тихий, обиженный всхлип.

Этот тихий, сонный голосок прозвучал у самого уха Сукуны.

Двуликий невольно склонил голову, собираясь ласково взъерошить ему волосы, но раненый юноша вдруг вскинул руки. Тонкие запястья обхватили шею проклятия, и Харе с неожиданной силой потянул его на себя.

В следующее мгновение Харе перекатился, подмяв Сукуну под себя и устроившись на нём, точно на огромной подушке. Из его горла вырвалось глухое, почти звериное урчание. Он ткнулся лицом в горячую шею Сукуны, жадно выискивая источник вожаденной силы.

Оказавшись на постели, Сукуна даже не подумал поправить распахнувшиеся одежды. Первым делом он заглянул Харе в лицо, пытаясь понять, очнулся ли тот. Однако веки юноши по-

прежнему были плотно сомкнуты.

"Всё ещё спит?"

Проклятие озадаченно приподнял брови. Нависший над ним юноша изогнул стройное тело; его лоб был нахмурен, глаза закрыты, а острые клыки раз за разом впивались в кожу Сукуны, оставляя мелкие кровоточащие следы. Словно изголодавшийся волчонок, он подчинялся одному лишь древнему инстинкту.

Впрочем, прокусить плоть Короля проклятий ему было не под силу, поэтому, потерпев неудачу, он просто принимался нежно вылизывать место укуса.

Сукуна усмехнулся и положил ладонь на его спину. Пальцы медленно скользнули по отчетливо проступающему позвоночнику вниз, к самому копчику, и мягко надавили.

— Кого ты из себя строишь, щенок? — вкрадчиво, с неприкрытой нежностью прошептал он. — Даже кусаться толком не умеешь...

Не будь мальчишка так сильно изранен — Сукуна всерьез опасался покалечить его еще сильнее — он бы с удовольствием напомнил ему, как именно нужно брать свое. Напомнил бы так, чтобы даже во сне тело Харе помнило, как его «пожирать».

Но сейчас важнее всего было заняться его ранами.

Сукуна приподнялся на локтях, осматривая юношу.

Одежда Харе была распахнута еще раньше, а теперь и вовсе сползла с плеч, запутавшись в сгибах локтей. Ожоги и ссадины на груди и животе успели частично затянуться. Спина его осталась невредимой; под бледной кожей при каждом движении рук отчетливо проступали изящные очертания лопаток.

Ладонь Сукуны сама собой легла на бархатистую кожу. Видимо, нажим оказался слишком сильным — Харе вздрогнул всем телом, глухо охнул и резко открыл глаза.

Первое, что он увидел, — искусанную грудь Сукуны и разбитый уголок его губ. Опустив взгляд, Харе обомлел: он сидел верхом на бедрах проклятия, отчетливо ощущая под собой его настойчивый, обжигающий жар.

"Я что... творю?!"

Харе растерянно захлопал ресницами, не понимая, что происходит.

— Очнулся? — Сукуна склонил голову набок. В его голосе сквозила откровенная, издевательская усмешка.

Юноша заторможенно кивнул. Затем указал на алые следы на теле проклятия, потом на себя и едва слышно спросил:

— Это... я сделал?

— Угу, — подтвердил Сукуна, и Харе тут же со стоном закрыл лицо ладонями, сгорая от стыда.

Сукуна со смешком убрал его руки от лица:

— Нечего стыдиться, малявка. Мне даже нравится. Это значит, что ты во мне нуждаешься.

— Выглядит так, словно я совсем изголодался... — пробурчал Харе, отворачиваясь.

Пока они препирались, едва затянувшиеся раны на его теле вновь начали кровоточить и расходиться.

Сукуна нахмурился, заметив это, и улыбка моментально сошла с его лица:

— Я пробовал лечить тебя обратной проклятой техникой — без толку. Зато поглощение проклятий работает. Раз уж ты всё равно меня искусал, сделай еще пару глотков моей крови.

— Не нужно, я понял, в чем дело, — Харе медленно слез с его бедер и уселся рядом, подогнув под себя ноги. Он грустно взглянул на свои ладони, лишенные кожи: — Это плата за контроль над теми проклятиями, что я запечатал.

Пока он не пустит их в ход, никакая проклятая энергия не вернет ему прежний облик.

Сукуна, по-видимому, и сам догадывался об этом. Ничего не сказав, он поднялся, вышел из комнаты и вернулся с чашкой в руках, которую вложил в ладони Харе.

Вода оказалась приятно теплой. Харе удивился, с каких это пор Король проклятий стал проявлять такую заботу, но послушно сделал большой глоток. Его глаза тут же округлились от удивления:

— Сладкая?!

— Добавил меда. Подумал, тебе захочется чего-нибудь сладкого.

Сукуна скрестил руки на груди, напустив на себя максимально безразличный вид. Всем своим высокомерным обликом он словно говорил: «Я знаю, как тебе хочется меня похвалить, так что валяй, я, так и быть, послушаю».

Харе лишился дара речи.

Он перевел взгляд с чашки теплой медовой воды на самодовольное проклятие перед собой. Юноша терпел, сколько мог, но все же не выдержал:

— Слушай, Сукуна, тебя часом не подменили?.. Ай, больно!

Договорить ему не дали щелчком по лбу. Потирая ушибленное место, Харе огляделся по сторонам, разглядывая незнакомую комнату:

— А где Тодзи-кун и остальные?

— Я отправил их восвояси, — буркнул Сукуна. Толку от них все равно не было, только глаза мозолили.

Харе согласно кивнул. Он спросил просто ради приличия. Скоро им предстояло пуститься в путь, так что уйти без лишнего шума было даже лучше.

На прикроватной тумбочке выстроились флаконы с лекарствами и рулоны бинтов. Харе потянулся к ним и принялся перевязывать поясицу. В этот момент на кровати залился трелью мобильник — звонил как раз тот, о ком они только что говорили.

Косо взглянув на экран и заметив имя «Тодзи-кун», Сукуна недовольно хмыкнул. Он сунул трубку Харе, а сам отобрал у него бинт и опустился на колени у постели, принимаясь за перевязку.

— Ну как ты, молодой господин? Живой? — в трубке раздался ленивый, но на удивление теплый голос Тодзи.

Слышать искреннее участие было приятно. Харе мягко улыбнулся:

— Всё в порядке. Спасибо за помощь. Я скоро переведу остаток суммы на твой счет.

— Ха-ха, ну и славно. Тут до меня дошли слухи, что ты вырезал всю верхушку шаманов. Силен, ничего не скажешь! Знал бы, что вы задумали такое веселье, напросился бы с вами. Заодно бы и весь клан Дзэн'ин к праотцам отправили, — хохотнул на том конце провода Тодзи.

Пока Тодзи разглагольствовал, маленький Мегуми, стоя на табуретке у плиты и сосредоточенно жаря яичницу, строго зыркнул на отца:

— Папа...

Получив нагоняй от собственного сына, Тодзи лишь беззаботно ухмыльнулся.

— Жаль. В следующий раз обязательно, — отшутился Харе.

Ему нужно было уходить, и как можно скорее. Папа и мама — люди невероятно проницательные, а Кэндзяку оставил им слишком много подсказок. Задержись Харе здесь еще ненадолго, и они сопоставят факты и раскроют правду.

Он не желал предстать перед ними запятнанным грехами монстром.

К тому же все проклятия в этом мире уже были запечатаны. Теперь он исполнит волю своей иной версии: отправится в следующий мир, сохраняя в душе нежную тоску по родителям, и там поставит в этой истории финальную точку.

Харе продолжал непринужденно переговариваться с Тодзи, когда Сукуна, забинтовывающий его торс, бесцеремонно втиснулся прямо к нему в объятия.

Харе пришлось поднять руки вверх. Бинты поднимались все выше, стягивая ребра. Шершавая ткань неприятно щекотала израненную кожу груди, и юноша опустил взгляд на устроившуюся перед ним розововолосую макушку.

Сукуна, до этого сосредоточенно возившийся с повязкой, мгновенно уловил этот взгляд. Он вскинул голову и вопросительно выгнул бровь: «Чего смотришь?»

Харе покачал головой, смолчав о том, каким милым находит грозного Короля проклятий в этот миг. Но Сукуна словно прочитал его мысли и самодовольно приник к его губам.

Громкий, сочный поцелуй застал Харе врасплох. Смутившись, он торопливо прижал ладонь к динамику, но Тодзи на том конце провода все равно все услышал и издевательски протянул:

— Ого, сколько ревности...

Харе густо покраснел:

—...

— Ладно, шутки в сторону. Есть еще кое-что, — посерьезнел Тодзи. — До меня дошли вести, что Три великих клана спешно созвали совет магов. Поначалу тебя приговорили к немедленной казни, но сильнейший из клана Годжо единолично наложил на это решение вето. В общем, молодой господин, будь настороже.

Наступило долгое, тяжелое молчание. Лишь спустя минуту Харе тихо, упавшим голосом переспросил:

— Ты хочешь сказать... господин Годжо за меня вступился?

— Ага. Сам в шоке, — хмыкнул Тодзи.

После этих слов у Харе мгновенно защипало в глазах. Кое-как выдавив слова благодарности, он сбросил вызов. Слезы сами собой покатались по его щекам.

— Сукуна...

— Кажется... папа обо всем догадался...

Отчего же на душе так тепло, но при этом так горько, что слезы невозможно удержать?..

Закрепив последний виток бинта, Сукуна бережно накинул рубашку ему на плечи и усмехнулся:

— И что с того?

Харе шмыгнул покрасневшим носом и, решительно прокусив палец, принялся чертить на полу кровавые руны:

— Идем!

Закончив рисунок, он активировал технику. Вспыхнуло багровое сияние проклятой энергии, и оба силуэта мгновенно растворились в воздухе. Но они не переместились в новый мир сразу.

Расщелина времени

В расщелине времени, прямо перед мерцающим временным потоком, Харе и Сукуна вновь оказались перед знакомым высохшим деревом.

Юноша протянул руку и ухватился за призрачную алую нить, связывающую их души. Его голос, все еще подрагивающий после слез, прозвучал тихо и щемяще нежно:

— Я понял, как разорвать эти путы, Сукуна. Я возвращаю тебе свободу. Теперь ты волен сам решать, куда идти — на юг или на север.

В прошлый раз в расщелине времени поглощенные им пальцы отделились от его тела, разрушив оковы манипуляции проклятыми духами. Он знал, что и сейчас сможет проделать то же самое.

Когда-то давно Харе хотел навечно запереть этого жестокого монстра в глубине своей души. Но теперь все изменилось.

Сукуна разделил собственную душу на двадцать частей и томился в заточении долгие тысячи лет. Быть запертым вновь, без шанса на освобождение — слишком жестокая и тоскливая участь.

Самому Королю проклятий было плевать на вечные оковы, но Харе, познавший его любовь, больше не мог поступить с ним так эгоистично.

Тонкая цепочка натянулась в ладони Харе и с негромким хрустальным звоном лопнула. Двумикий стоял напротив, небрежно скрестив руки на груди. Тьма скрывала его лицо, и лишь мерцание потока выхватывало резкие черты его профиля. Он молчал, погруженный в раздумья.

— А ты? — негромко спросил он. Его ровный голос не выдавал обуревавших его чувств.

— Я пойду на юг, — ответил Харе. Эта судьба была предречена ему с самой первой секунды появления в этом мире.

В полумраке бездны Сукуна устремил на него пристальный взгляд темных глаз. Уголок его губ дрогнул в ленивой усмешке:

— Я тоже.

— Разве до сих пор было иначе? — Он сделал шаг вперед, зачерпнул ладонью светящуюся воду из потока времени и окропил сухие ветви. На мертвом дереве мгновенно распустились нежные бутоны. Сукуна вновь взглянул на юношу: — Делай то, что хочешь, и никогда не делай того, к чему не лежит душа. Не смей прогибаться под этот мир, малявка. Ты научился любить других, так не забывай любить и себя самого.

— Я... — попытался было возразить Харе.

Но проклятие бесцеремонно схватил его за подбородок, заставив умолкнуть. Сукуна притянул его к себе, властным, наглым жестом притянул к его губам и глухо рассмеялся:

— И раз уж мы заговорили о желаниях, у меня как раз появилось одно. Считай это моим прощальным предупреждением.

Он опустил взгляд, всматриваясь в белые витки бинтов, сиротливо белевшие под распахнутым воротом Харе, и его голос сделался опасно-ледяным:

— Если при нашей следующей встрече ты снова окажешься так изранен... Клянусь, я запру тебя в четырех стенах. Залюблю до полусмерти, так, что ты и шага ступить не сможешь. И будешь сидеть смирно, позабыв про все свои дела. Усек?

<http://bllate.org/book/19043/2005272>